

*ПЕРЕПИСКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ В 1918–1919 гг.*

Поскольку переписка государственных структур являлась частью делопроизводственной документации и была надлежащим образом «канцелярски» оформлена, ее значительно легче атрибутировать. Особый интерес для исследователя данной темы представляют прежде всего письма местных государственных учреждений — именно они содержали богатейшую информацию о настроениях крестьянства. Ответы «верхних» структур имели преимущественно директивный характер. Нами изучена переписка Комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области (СКСО) и его местных органов — отделов управления (советского управления) внутренних дел при губернских и уездных Советах, руководителей местных Советов разных уровней (волостного, уездного и губернского), уездных и волостных военных комиссариатов северо-западных губерний России — Новгородской, Олонецкой, Вологодской, Петроградской. Как правило, корреспонденты учитывали иерархию ведомств и обращались к тем, кому были непосредственно подчинены, но все же в переписке в то время не всегда соблюдалась четкая субординация. Так, председатель Новгородского губернского Совета мог прямо обратиться в Комиссариат ВД СКСО,⁵² хотя в этом же Совете функционировал Отдел управления, подчинявшийся Комиссариату. Лужский уездный военный комиссар, сообщая о местных происшествиях, адресовал свои письма сразу нескольким лицам, среди которых были не только непосредственно руководивший им петроградский губернский военный комиссар Б. П. Позерн, но и нарком по военным делам Л. Д. Троцкий и председатель Петроградского Совета Г. Е. Зиновьев.⁵³

Структура переписки выглядит более унифицированной, чем доклады агитаторов. Она имеет менее импровизированный

⁵² ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67. Л. 4–5.

⁵³ Там же. Л. 128.

характер, ей свойственен в значительной степени канцелярский стиль. Обычная примета такого рода документов — отчет о своих действиях как должностного лица либо просьба о принятии мер, направленных на преодоление кризисных явлений.⁵⁴ Этому предшествует собственно описание событий. Такое описание могло быть посвящено только одному или нескольким крупным происшествиям, причем о прочих событиях в волостях сообщалось скороговоркой. В частности, в письме Отдела управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (25 декабря 1918 г.) содержалось детальное описание двух «контрреволюционных» выступлений: в Казанской волости (2-3 декабря 1918 г.) и Вогненской волости (8 декабря 1918 г.).⁵⁵ Что же касается других волостей, то о них лишь сказано одной строчкой: «В остальных волостях все спокойно, контрреволюционных выступлений нет». Отчет о происшествии иногда становился похожим на протокол расследования: ему были присущи компиляция чужих свидетельских показаний, подробное перечисление лиц, вовлеченных в инцидент, скрупулезная запись мельчайших фактов и подробность цифр.⁵⁶ Но некоторые письма представляли собой целые сводки о положении во многих волостях, причем видна регулярность их составления — обычно два раза в месяц.⁵⁷ Возможно, в данном случае мы имеем дело со своеобразной «протосводкой», ставшей источником для подготовки обширной общей сводки СКСО. Такие сводки в то время оформлялись как особый вид отчетов и ряд писем, подробно регистрировавших местные события, уже во второй половине 1918 г. трансформировался в уездные и губернские «сведения о положении», являвшихся региональным вариантом общих политических сводок Союза Коммун Северной области. Сравнивая письмо о происшествиях и собственно сводку, зачастую обнаруживаешь, что текст первого из них более «рыхл», аморфен, здесь видна непоследовательность в отборе деталей. Во многом и под влиянием структурирующих и редуцирующих текст бюрократических процедур полубеллетристическое описание происшествия в письмах менялось в сводках. Оно об-

⁵⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 65 об.; 67–67 об.

⁵⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁵⁶ Там же. Л. 72–72 об.

⁵⁷ Там же. Д. 33. Л. 3, 7, 8, 9.

ретало там большую жесткость, унифицированность, четкость и подробность, становилось менее пространным — хотя и в сводках можно найти немало частных примеров и перечней мелких подробностей.

Особый вид письма представляют телеграммы. Обычно они весьма кратки и посвящены описанию какого-либо чрезвычайного происшествия, требующего энергичного вмешательства. Здесь не исключалось и сгущение красок: последнее могло эффективнее побудить адресата оказать помощь. Но среди телеграмм можно встретить и более спокойные описания событий, а иногда они являлись и сводкой о положении на местах. В этих случаях в телеграммах можно обнаружить и очень неконкретные, общие сведения о местных происшествиях, без каких-либо уточняющих комментариев.

Сведения о политических выступлениях крестьян в переписке государственных и партийных структур весьма разнообразны. В первую очередь отметим сообщения о беспорядках и массовых выступлениях крестьян.⁵⁸ Они фиксируют несанкционированные сходы, протестовавшие против политики Советской власти, приход крестьян к волостным и уездным государственным учреждениям с требованием выдачи хлеба и семян, освобождения арестованных, прекращения мобилизации. Экономическая подоплека этих волнений в документах видна весьма отчетливо, но зачастую дело здесь не ограничивалось экономикой. «Петиционные» походы крестьян нередко приводили к разгрому государственных учреждений и потому приобретали политический оттенок.

Важным свидетельством о политической оппозиции в деревне являются сообщения о восприятии крестьянами государственных и политических институтов — Коммунистической партии, Учредительного собрания, Советов. Трактовки компартии обычно выражаются в трех вариантах: оценка большевизма как политической идеи, отношение к Коммунистической партии в целом и особо к местным партийным ячейкам. Косвенным источником для выявления антикоммунистических настроений в деревне могут служить данные о наличии сельских партизачек — как правило, информаторы увязывают воедино эти явления. «Коммунист[ической] партии большевиков ячеек в райо-

⁵⁸ Там же. Д. 35. Л. 33, 34, 34 об.; Оп. 1. Д. 67. Л. 4–5; Оп. 8. Д. 129. Л. 65 об., 67–67 об., 72–72 об.

не Мирошкинского волостного Совдепа нет и сочувствующих большевизму очень мало» — сообщалось, в частности, в письме секретаря Мирошкинского Совета Лодейнопольскому горкому РКП(б) (октябрь 1918 г.⁵⁹). В целом же сообщения об оценках коммунизма довольно редко проскальзывают в переписке. Куда больше имеется сведений об отношении крестьян к Советам, которые воспринимались ими как главный политический центр деревни. В переписке часто говорится об итогах выборов на волостных и сельских сходах, о составах Советов, где информаторы нередко обнаруживали и «кулаков» и вообще зажиточных лиц, о перевыборах советских руководителей, настроенных оппозиционно, либо об их арестах и снятии с должностей, о разногах местных Советов — как низами, так и властями.

Сведения об отношении крестьян к Учредительному собранию в переписке крайне малочисленны. По преимуществу это сообщения о том, что на волостном или сельском сходах были одобрены «учредилевские» лозунги. Информатор при этом нередко отмечал, кто являлся инициатором принятия «учредилевских» постановлений. Возможно, его догадки были не совсем беспочвенны, хотя о партийности и социальном положении инициаторов он, по обыкновению, говорил невнятно и бездоказательно, явно «конструируя» их в соответствии с логикой агитационных клише. В общей же массе требований крестьян, зафиксированных множеством документов, «учредилевские» постановления выглядят неким чужеродным элементом. Они почти не увязаны с экономикой (а это и составляло главный интерес крестьян) и выражены политизированным, «партийным» языком, весьма далеким от обыденной речи сельских жителей.

Источником для оценки степени политического протеста в деревне являются содержащиеся в переписке сведения об отношении к инструкциям и декретам Советской власти, о трудностях взимания налогов и повинностей, об арестах лиц, ведущих «антисоветскую» агитацию, равно как и о самой этой агитации.⁶⁰ Ценным источником могут служить и сообщения об отношении крестьян к военным и прочим мобилизациям, а также к волостным военным комиссариатам — последние нередко чаще, чем Советы, подвергались разгрому в ходе деревенских бунтов. В протестах

⁵⁹ ЦГАИПД. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁶⁰ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 61. Л. 17; Д. 129. Л. 65 об., 68; Ф. 1000. Оп. 80. Д. 22. Л. 22; Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 49; Ф. 5432. Оп. 12. Д. 1. Л. 6.

крестьян против комиссариатов политические моменты обнаруживаются, во-первых, потому, что антимобилизационные акции осуществлялись вкупе с другими, более откровенными антигосударственными выступлениями и могли считаться их элементом, и, во-вторых, вследствие того, что они активно инициировали политические отклики и придавали последующим действиям (выборы старшин вместо комиссаров, разгон Советов, создание отрядов самозащиты) оппозиционную направленность.

В ряде случаев информаторы давали лишь общую оценку политического положения в волостях и уездах, не отмечая какие-либо его подробности. Как правило, она очень кратка и выражается одним словом или фразой, как это видно, например, по письмам отделения общих дел отдела управления по внутренним делам Старорусского совета в информационное отделение КВД СКСО осенью 1918 г.: «во всех волостях ... в политическом отношении спокойно», «население Старорусского уезда... в политическом отношении было спокойно», «сведений об агитации против Советской власти... не поступало».⁶¹ Не исключено, что такая краткость была вызвана тем, что отчеты составлялись по определенной анкетной схеме. Среди документов СКСО можно найти эти анкеты (они именовались «отчетными листами»), где первую строчку занимала графа «Общее положение волости в политическом отношении».⁶²

Как правило, политические происшествия объяснялись в переписке довольно упрощенно и, возможно, в некоторых случаях причинно-следственная связь событий выявлялась не без влияния пропагандистских штампов. Иногда, впрочем, идеологические мотивировки соседствовали с теми трактовками, которые учитывали конкретные реалии конфликтов. В письме отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (3 декабря 1918 г.)⁶³ [Док. 13] говорилось об угрозе волнений в волостях, которые испытывали нужду в хлебе. Но сами продовольственные трудности здесь отходят на второй план, а главной причиной конфликта выставляется следующее: «на почве недостатка хлеба кулаки подстрекатели возбуждали граждан к смещению волостных Советов

⁶¹ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 33. Л. 3, 7, 8, 9.

⁶² См., например, «Отчетный лист» Шумского волостного Совета за август 1918 г. (Там же. Л. 18).

⁶³ Там же. Д. 61. Л. 19–19 об.

или перевыбору их». Анонимность «кулаков», неконкретность в описаниях их действий, очевидное противоречие в выявлении движущих сил конфликта (ведь от голода страдали в первую очередь не кулаки, а бедняки и отчасти середняки) — все это должно быть оценено как составной элемент именно идеологической мотивировки, хотя отмеченная тем же информатором нехватка продовольствия вполне может считаться подлинной причиной угроз властям. Очень примечательно, что чуть ниже в этом же тексте можно найти и такую фразу: «Вообще население уезда настроено тревожно и везде стоит вопрос о выборе новых составов Советов, причина тому — бесхлебица». Здесь уже нет сведений о «кулаках-подстрекателях», и волнения объясняются исключительно недостатком хлеба, и подчеркивается их всеобщий характер, т. е. массовость, которая уже не может быть признана лишь следствием происков «кулаков».

В некоторых случаях использование идеологических формулировок отчетливо оттеняет двусмысленность текста. В докладе политико-просветительного отдела Николаевщинского волостного военкомиссариата Новоладожскому уездному военкомиссариату (20 ноября 1918 г.)⁶⁴ [Док. 14] сообщалось, о том что один из агитаторов, вербуя крестьян в партию, натолкнулся на их отказ. Далее говорилось, о причине отказа: крестьяне не были знакомы с партийной литературой и вследствие этого «выразили желание получить побольше литературы, дабы ближе ознакомиться со всеми начинаниями партии на пользу трудового народа». Очень вероятно, что слова «начинания партии на пользу трудового народа» принадлежат агитатору, являясь обычным для того времени клише; не будем, впрочем, исключать и того, что их высказали сами крестьяне. Но подробно излагая мотивы отказа и фактически соглашаясь с ними (как явствует из текста), информатор пересказывает как раз те формулировки, которые имеют неконфронтационный характер и даже оттенок «благонадежности» — не обращая внимания, что именно в этом виде они могут служить ширмой подлинных настроений крестьян. В любом случае от нас не может ускользнуть скрытый сарказм этой фразы: чтобы увидеть, что сделано реально партией для крестьян, им надо прочитать об этом в книгах. Этот сарказм не замечает информатор, сообщающий далее: «таким образом, пришлось временно, до подготовки населения,

⁶⁴ Там же. Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 55—55 об.

приостановить запись сочувствующих и заняться ознакомлением населения с программой партии и другими ее начинаниями»; возможно, его не очень отчетливо ощущали крестьяне, которые нередко ссылались на свою «темноту», чтобы уклониться от того «света», который был обещан им в будущем.

Случаи, когда информатор передает «чужие» мотивировки, выражая согласие с ними, нередки. Иногда историку приходится прилагать особые источниковедческие усилия, чтобы отделить ядро «чужой» мотивировки от ее позднейших наслоений — поскольку информатор не всегда внятно рассказывает о том, что он заимствовал от других интерпретаторов, что в его объяснениях «свое» и что «чужое». Используя «чужие» схемы причинно-следственных трактовок, информатор часто их развивает и «достраивает». Так, в письме председателя Исполнительного Комитета Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК СКСО (июль 1918 г.)⁶⁵ [Док. 15] о положении на местах приводится текст сообщения Фоминского волостного Совета, который уже своей риторикой и неконкретностью способен насторожить исследователя: «Граждане Фоминской волости глубоко возмущены попыткой свергнуть Советскую власть. Вся волость, как один человек, [готова] в любое время поддержать Советскую власть, ибо она только выразительница и защитница интересов трудового крестьянства. Граждане Фоминской вол[ости] шлют проклятия мятежникам, поднявшим хищную лапу на Советскую власть». Председателя исполкома это письмо несколько не смущает и более того, он подтверждает его истинность дополняющим уточнением: «Правду сказать, население Фоминской вол[ости] живет бедно, крупных кулаков нет, нет и засилья их, власть находится в руках трудового крестьянства...». Текст Фоминского волостного Совета вызывает подозрение ввиду его риторического компонента. В уточнениях председателя Исполкома риторики меньше. Но основным его аргументом является весьма спорная зависимость между частотой бунтов и наличием кулаков. Как свидетельствуют источники, крестьянские волнения вызывались не только и не столько происками кулаков, но определялись множеством разнородных факторов: интенсивностью мобилизаций, разверсткой, налоговыми поборами, разделом земли, влиянием и силой государственных и военно-репрессивных структур и т. д. Доверяя чужому риторическому

⁶⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 153. Л. 5.

тексту, информатор и в собственных догадках не выказывает должной осмотрительности — и потому мы можем отчасти получить представления и о стиле его интерпретаций.

Оценивая достоверность переписки, прежде всего обратим внимание на те источники, которыми пользуются информаторы. Для авторов донесений губернских и уездных структур привычно использование документов волостных Советов. Иногда об этом говорится прямо. В письме председателя Исполкома Тихвинского уездного Совета в комиссариат ВД СКСО (27 сентября 1918 г.) сведения о разгоне Тарантаевского волостного совета и замене его “кулацким” советом были сообщены со ссылкой на донесения волсовдепа.⁶⁶ В письме отдела управления внутренних дел Новгородского губсовета в комиссариат ВД СКСО (19 июня 1918 г.)⁶⁷ источником сведений о выступлениях в поддержку Учредительного собрания были названы протоколы заседаний Шотовского и Залучского волостных Советов. Во многих случаях, правда, источник сведений в переписке или совсем не оговаривается, или отмечается частично. Письмо отдела управления по внутренним делам Тихвинского уездного Совета [Док. 13] представляет собой сводку, явно основанную на докладах от волостных структур власти. Но источник сведений — сообщения волостных Советов — отмечен лишь тогда, когда приводятся подробности о праздновании годовщины революции. Можно только гадать, почему информатор не был столь скрупулезен в предыдущих описаниях. Но в данном случае перед нами — не запись, как прежде, конкретных происшествий в каждой из волостей, не пересказ частных случаев, а именно обобщенная картина разных праздничных действий, происходивших во всех волостях. Не исключено поэтому, что помета в письме: «Из волостных Советов получены сообщения» — особый знак, свидетельствующий о компилятивной операции, произведенной информатором, и он стал возможен как необходимый элемент информации об этой компиляции.

В письме отдела управления по внутренним делам Новгородского губсовета Отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО (30 июля 1918 г.),⁶⁸ где имеются сообщения о восстании в Славитинской волости Старорусского уезда 10-11 июля 1918 г.,

⁶⁶ Там же. Д. 61. Л. 14.

⁶⁷ Там же. Д. 129. Л. 65 об.

⁶⁸ Там же. Л. 72—72 об.

источник сведений вообще не оговаривается. Но по ряду деталей (фиксируется точно, иногда по часам, время событий, описание охватывает несколько дней, регистрирует действия десятков деревень и выделяет ряд различных этапов событий, происходивших в нескольких местах), можно предположить, что основу текста составляют какие-то следственные материалы, не просто фиксирующие происшествие, но детально расследующие его.

Вопрос о достоверности текстов, разумеется, не может быть ограничен только рассмотрением сюжетов об источниках информации корреспондентов. Даже в том случае, когда мы получаем заслуживающие доверия сведения о политических поступках крестьян, нам очень трудно выяснить, насколько искренне информатор приписывал им те или иные лозунги, и не маскировались ли ими совсем иные устремления. В письме секретаря Старопольской волостной организации РКП(б) И. Петухова Петроградскому губкому РКП(б) (7 октября 1918 г.)⁶⁹ [Док. 16] говорилось о том, что крестьяне на волостном митинге решили не идти на службу в Красную Армию, «мотивируя тем, что зачем демобилизовали старую армию и почему большевики обещали хлеба и мира, а вместо мира опять призывают воевать». Никакие призывы приезжих агитаторов побудить их изменить это решение успеха не имели. В письме далее сообщалось, что после отъезда агитаторов «собрали всю молодежь, подлежащую призыву, объяснили им вторично, в чем дело, упрекали их в трусости и что они из-за шкурного вопроса согласны потопить все завоевания Октябрьской революции, кое-как уговорили, составили протокол и также послали в уездный военный комиссариат телеграмму, что призываемые Старопольской волости все как один человек согласны стать под ружье». Техника фабрикация «единогласного» решения, принятого «кое-как», здесь, как видим, проступает весьма отчетливо. Да и сам информатор не заблуждается относительно ценности этого решения. Он сообщает далее, что сомневается в том, все ли явятся на сборный пункт, и добавляет: «Опасаясь, чего бы и в уездном городе не вышло, потому что все время идет погромная агитация».

Но, повторим, такие откровенные рассказы встречаются редко. Зачастую информатор (особенно на губернском и уездном уровнях, где обычно волостные документы только регистрировались) без оговорок сообщает о таких «единогласных»

⁶⁹ ЦГАИПД. Ф. 16. Оп.1. Д. 296. Л. 14.

постановлениях, не затрудняясь выяснить их подлинную подоплеку. Иногда элементы искажения картины событий можно обнаружить, лишь анализируя противоречия в текстах писем. В письме председателя Усть-Ижорского военно-революционного комитета комиссару по внутренним делам СКСО М. С. Урицкому (28 июля 1918 г.)⁷⁰ [Док. 17] говорилось о роспуске волостных Советов «ввиду сильной агитации членов Совета и местных кулаков против Советской власти». Вполне логично, что агитация членов Советов стала поводом для репрессий депутатов, но возникает вопрос: зачем здесь названы кулаки? Возможно, агитация кулаков была отмечена тут не как причина, но как обстоятельство, осложнившее положение волости и тем способствовавшее роспуску Советов. Но прямо об этом не говорится. Если предположить, что кулаки тоже являлись членами Совета, то тогда правомерно задать другой вопрос: почему информатор особо отделил членов Совета от кулаков, хотя они входили в состав одного учреждения. Если же кулаки не являлись депутатами, то надо выстраивать еще более экзотическую причинно-следственную цепочку, которая, даже если она будет предложена, не перестанет от этого быть менее шаткой и произвольной. В любом случае, как видим, мотивировка роспуска Советов выглядит противоречивой и не может быть сочтена за исчерпывающее объяснение отмеченного информатором факта.

В письме председателя Исполкома Сольвычегодского уездного Совета в ЦИК СКСО (июль 1918 г.)⁷¹ [Док. 15] указано, что в «Вели-Тоемском волостном совете... засели торговцы и кулаки, которые крепко защищают свои интересы». Никаких конкретных данных о том, как информатор определил состав Совета, нет, но уже в следующей строчке он приводит пример того, как они «защищали свои интересы»: «В заседании 16 июня Совет постановил дать свободную торговлю всем торговцам волости без права контроля их торговли местной Советской властью». В отличие от информации о депутатах-торговцах, это уже факт точный и конкретный. И потому не может не возникнуть подозрений в том, что выводы о наличии в составе Совета торговцев возможно делались с оглядкой на инцидент 16 июня 1918 г. — особенно если учитывать расплывчатость и риторичность первой оценки, данной информатором. Обра-

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 142. Оп. 2. Д. 100. Л. 1.

⁷¹ Там же. Оп. 8. Д. 153. Л. 5.

тим внимание и на другое обстоятельство. «Местная Советская власть» — это и есть собственно «кулацкий» Совет. Если продолжить объяснения информатора, то следует, что торговцы освободили самих себя от контроля за собой, что в целом не очень логично. Отмеченные здесь детали не означают, конечно, того, что руководитель Совета нарочито допускал дезинформацию. Но он очевидно небрежен в деталях и не особенно его заботят подробности дела. Противоречия в тексте в данном случае обнаруживают, что это именно не скрупулезная фиксация событий, а их некий «вольный пересказ». А для последнего обычна примесь риторики, делающей сообщение аморфным и неотчетливым, а выявление причинно-следственной связи происшествий — не очень обязательным и строгим. В этом мы еще раз убеждаемся, когда знакомимся с докладом Лукинского волостного военного комиссариата Шлиссельбургскому уездному военному комиссару.⁷² В нем подчеркнуто, что переход власти в волости к революционному комитету вызвал недовольство «некоторых личностей», среди которых «деревенские кулаки, спекулянты и конечно б[ывшие] помещики и капиталисты». Анализируя этот текст, отметим, во-первых, что выражение «помещики и капиталисты» — это устойчивое сочетание, привычное для тогдашней агитационной практики и являвшееся элементом идеологических клише. На это указывает даже сама последовательность слов: «помещики и капиталисты», — именно в таком виде эта идиома стала частью политической лексики. Во-вторых, возникает вопрос: о каких капиталистах в селах (составлявших волость) идет речь? И еще ряд других вопросов: как много было помещиков в волости (в августе 1918 г.) и как удалось информатору выяснить их отношение к ревкому и вообще случайна ли сугубая анонимность сообщения: не названо ни одно конкретное лицо?

Разумеется, отсутствие точных сведений о «зачинщиках» не может считаться прямым признаком фальсификации сообщений. Возможно, ввиду краткости многих писем, подробности представлялись их авторам неуместными. Но настораживает другое: почти во всех случаях, когда инициатива беспорядков приписывается кулакам, никаких конкретных данных, уточнений, мотивировок, примеров мы не обнаруживаем. Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского губсовета отделу советского

⁷² Там же. Ф. 5432. Оп. 12. Д. 1. Л. 49.

управления Комиссариата ВД СКСО (10 июля 1918 г.)⁷³ — типичный образец такого рода сообщений: «Все напряженные усилия контрреволюционеров... не поимели успеха. В Старорусском уезде эти предатели, организовав кулаков, старались поднять население против Советов». В телеграмме председателя Чрезвычайного революционного штаба и уездного военкомиссара Лужского уезда Г. Е. Зиновьеву и Б. П. Позерну (23 июля 1918 г.),⁷⁴ та же анонимность подчеркнута еще и противоречивостью текста: в первых ее строчках говорится об «организованном местным кулачеством контрреволюционном выступлении», а в строчках, следующими за ними, это происшествие называется уже «открытым выступлением кулачества». Поскольку информатора не очень смущает эта разногласия, можно получить определенное представление о степени строгости его рассказа о событиях.

В письме отдела управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета в Комиссариат ВД СКСО (25 декабря 1918 г.)⁷⁵ [Док. 18] можно встретить фразу: «Кулаки Казанской волости через темных личностей пустили по волости слухи». Здесь присутствует уже как бы «двойная» анонимность: неназванные кулаки действовали через неких «темных личностей». Приписывать слухи именно кулакам, ничем не обосновывая это, стало для авторов документа, видимо, обычным делом — несколькими строчками ниже указывается, что во время одного инцидента также «местные кулаки... распускали слухи». Но уже самое содержание этих слухов — Совет «обкладывает» крестьян высокими налогами, а скоро возьмет и последнюю корову, и «члены местных исполкомов разделили деньги по своим карманам» — показывает, что здесь затрагивались вопросы, волновавшие не одних кулаков, но и всех крестьян. И потому выявить «кулацкое» происхождение этих слухов очень сложно — если, конечно, не предположить, что узнав о слухах, власти в первую очередь задали себе вопрос: кому это выгодно?, и по вторичному — проявлению недовольства — попытались выяснить первичное — кто это организовал. В тексте содержится и еще один рассказ о «контрреволюционном выступлении кулацкого элемента» в Вогненской волости Кирилловского уезда 8 декабря 1918 г. Что это были за кулаки, в письме не указывается. Зато отмечены некоторые подробности инцидента,

⁷³ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 68.

⁷⁴ Там же. Ф. 143. Оп. 1. Д. 50. Л. 15–16.

⁷⁵ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 22–22 об.

помогающие в известной мере выявить специфическую технику «обнаружения» информаторами кулаков.

Бунт возник на собрании «граждан волости» (именно так они называются в письме), пришедших по повесткам, автор которых, правда, не был найден. Таким образом, получается, что крестьяне пришли на сход не по своей инициативе и потому говорить о каком-то преднамеренном выступлении или заговоре «кулацкого элемента» не приходится. Подчеркивание факта законопослушности крестьян (вряд ли автор письма счел бы это уместным, если бы речь шла только о кулаках), а также замечание информатора именно о «гражданах», а не о кулаках, заставляет предположить, что далеко не все участники собрания принадлежали к «кулацкому элементу». Далее в письме читаем следующее: «Во время собрания толпой разоружено 9 человек милиции и волостной военной комиссариат и был занят телефон. При решении контрреволюционных вопросов, как например не ходить в солдаты, не давать лошадей и т. п. произошел незаконный выбор нового состава исполкома». Здесь отмечена, во-первых, массовость выступления — вряд ли иное сделало бы возможным столь быстрый захват власти в волости. Но тогда такое выступление трудно объяснить одними лишь происками кулаков. Даже если предположить, что арестами занимались исключительно кулаки, общественная санкция на такие действия должна проявиться обязательно — не горстка же людей решала вопрос о выборах властей, когда даже информатор говорит, что это происходило во время волостного схода. Обратим также внимание на то, что в этой части сообщения вдруг исчезают реплики информатора о кознях кулачества — хотя прежде он пользуется ими весьма охотно. Во-вторых, очень примечателен перечень тех «контрреволюционных вопросов», которые решало волостное собрание. «Не ходить в солдаты» и «не давать лошадей» — это было общее желание почти всех крестьян: и зажиточных, и середняков, и бедняков. Можно, конечно, предположить, что кулаки являлись зачинщиками бунта, но нельзя исключать, что в дальнейшем события развивались стихийно, поскольку именно так, «по-контрреволюционному», и хотело решать эти вопросы большинство крестьян. В любом случае очевидно, что версия о восстании в волости только «кулацкого элемента» требует предельно осторожного подхода и в некоторых отношениях представляется сомнительной.

Основная часть писем все же содержит, в разной пропорции, конкретную информацию о положении в деревне. Собственно «неконкретность» может выражаться в нескольких видах: либо описывается крайне расплывчато какое-то действие (например: «чувство самосознания бедноты и понимание того, кто является истинными зачинщиками их интересов, растет все больше и больше»,⁷⁶ «беднота стоит за Советскую власть», «в некоторых отдельных волостных Советах, где кулаки играют главенствующую роль, настроение на почве голода тревожное»),⁷⁷ либо используется термин, достаточно многозначный, дающий повод для разных толкований. Бывает, правда, крайне редко, и так, что письмо вообще не содержит никаких подробностей. И даже в тех случаях, когда информатор хочет подтвердить свой вывод примером, его аргументация оказывается столь же неопределенной. «Положение на местах в Демянском уезде устойчивое, за последнее время в народной толще замечается... переворот в пользу существующей советской власти» — читаем в письме заведующего информационно-инструкторским подотделом Отдела управления внутренних дел Демянского уездного совета в Комиссариат ВД СКСО 19 октября 1918 г.⁷⁸ [Док. 19]. Требуют дополнительной расшифровки и полуриторический штамп «в народной толще», и описание «переворота», и оценка «устойчивости» положения. Следующее предложение, возможно, призвано обосновать предыдущий вывод: «Во всех волостях на съездах выносятся резолюции, из которых видно, что беднейшее и среднее крестьянство не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции». Но это «разъяснение» само нуждается в особых интерпретациях. Мы встречаем здесь риторический штамп «не отступит ни на один шаг от завоеваний Октябрьской революции», являвшийся калькой обычных текстов просоветских постановлений, и потому вызывающий сомнения в том, можно ли его считать достоверным свидетельством о настроениях крестьян. Но нет данных о том, где и когда голосовали, на каких съездах, и в каких именно волостях. Последу-

⁷⁶ Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского губернского Совета отделу Советского управления Комиссариата ВД СКСО 10 июля 1918 г.: Там же. Л. 68.

⁷⁷ Письмо отдела управления по внутренним делам Новгородского Губернского Совета отделу советского управления Комиссариата ВД СКСО 4 июля 1918 г.: Там же. Л. б.

⁷⁸ Там же. Л. 43.

ющий текст столь же аморфен — видимо, это специфика стиля автора: «замечалось некоторое движение в среде более зажиточных элементов, но благодаря своевременно принятым мерам... все успокоилось». «Некоторое движение», «более зажиточные элементы», «все успокоилось» — почти каждое слово вызывает целую череду вопросов: что значит «некоторое», «более зажиточные» по сравнению с кем, как «успокоилось», что за «меры»? — и т. д. и т. п. Здесь последующий фрагмент текста лишь формально уточняет предыдущий, но фактически это имитация мотивировок событий. Причинно-следственная связь тут представляется раздробленной — каждый фрагмент текста является столь же абстрактным, как и другой, предвещающий и продолжающий его. Поэтому и вызывает настороженность неконкретный текст — не столько потому, что он неточен (в ряде случаев это трудно проверить), но из-за того, что он убирает подробности, дает лишь предельно общие формулировки — и уже этим упрощает реальное историческое событие. «Стенограмма» — «отчет» — запись «общих впечатлений» — идеологические клише: именно в такой последовательности покрывается паутиной истолкований и тускнеет первичное и достоверное свидетельство. И умножаются, как неизбежное следствие утраты конкретности в тексте, авторские трактовки, обычно в обрамлении риторических формул.

В целом переписка государственных и партийных структур менее риторична, чем доклады агитаторов. В ней обязательно должны были применяться унифицирующие текст канцелярско-бюрократические штампы, существенно влиявшие и на стиль письма: «Совдеп отношением от 17 ноября с. г. ... сообщил отделу управления следующее»,⁷⁹ «были посланы повестки, чтобы на имеющем быть собрании явились все граждане»,⁸⁰ «распоряжение губер[нского] Совета на принятие мер».⁸¹ Такие клише в определенной степени «дисциплинировали» текст, упорядочивали его структуру и ограничивали размах риторических импровизаций. Канцелярский оттенок стиля иногда определялся

⁷⁹ Письмо отдела управления Повенецкого уездного Совета Комиссариату ВД СКСО 16 декабря 1918 г.: Там же. Ф. 143. Оп. 8. Д. 32. Л. 1.

⁸⁰ Письмо отдела Управления внутренних дел Кирилловского уездного Совета Комиссариату ВД СКСО 25 декабря 1918 г.: Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 22–22 об.

⁸¹ Письмо исполнительного Комитета Лужского уездного Совета исполнительному комитету Петроградского губернского совета 14 апреля 1918 г.: Там же. Ф. 1000. Оп. 80. Д. 22. Л. 22.

и тем, что некоторые письма представляли собой ответы на вопросы. В них, собственно, и использовалась лексика вопрошавших, особенно, если сами донесения бывали кратки и строились по анкетной схеме. Текст переписки имеет и менее авторский характер. Не исключено, что он подвергался правке и редактировался несколькими лицами, прежде, чем направлялся «по инстанции» — поскольку являлся прежде всего официальным документом, отражавшим позицию всего учреждения.

Однако, как уже отмечалось, и в тексте переписки содержатся риторические фрагменты. В ряде писем риторика используется не только для выражения собственной политической позиции, как у агитаторов, но как элемент мотивировки чужих и своих действий. В этом случае в ней меньше «авторского» и она не позволяет существенно отклоняться от цели описания. Вместе с тем и в переписке риторический штамп во многом определяет «размытость» и аморфность сообщений, даже в тех случаях, когда он выглядит уместным. В письме исполнительного комитета Лужского уездного совета Исполнительному Комитету Петроградского губернского Совета (14 апреля 1918 г.)⁸² мы встречаем такую фразу: «В Лужском уезде крестьянство очень пассивно относится к событиям, несмотря на близость революционного сердца» (т. е. Петрограда). Здесь риторический штамп не возникает произвольно, а используется для уточнения причинно-следственной связи. Но подчеркнем, что выявление зависимости между «близостью революционного сердца» и «пассивностью» крестьян все же необоснованно — последнюю определяли совсем другие факторы, нежели близость или удаленность от промышленных центров.

И в официальной переписке риторический текст иногда или подменяет конкретное описание или делает его менее подробным. В письме Тигодского волостного военкомиссариата Новолодожскому уездному военкомиссариату (декабрь 1918 г.)⁸³ говорилось о крестьянах-стариках, «между коих существует недоверие в лучшее и вспоминают старое, конечно, главная вина их недоверия — это продовольственный вопрос». «Недоверие в лучшее» — это редуцированный риторический штамп, точнее можно было бы сказать: не верят обещаниям сделать жизнь в будущем лучше. Но информатор так не говорит, и не исключено, что для самого информатора вопрос о «лучшем» решен, ему

⁸² Там же.

⁸³ Там же. Ф. 6689. Оп. 6. Д. 2. Л. 108.

не нужны никакие оговорки, для него это не обещание, это то, что должно обязательно случиться. И здесь не просто небрежная редакция текста, но именно выражение политической позиции. Было бы иначе — и информатору пришлось бы давать менее примитивную мотивировку колебаний крестьян, лучше оценить причины их политической неприязни. Примечательно выражение: «вина их недоверия». Конечно, тут имеется в виду другое слово: «причина». Но слово «вина», вероятно, не возникло случайно. Не исключено, что эта оговорка показывает, как информатор оценивал такие настроения. «Лучшее» — это действительно «лучшее» и «лучшее», без оговорок, недоверие — это «вина» — косноязычие текста здесь, хотя и не очень отчетливо, но все же соотнесено не только с уровнем грамотности информатора, но и с его «тоталитарной» убежденностью в правоте своих взглядов. Вообще использование не нейтральных, а оценочных дефиниций уже есть элемент предварительного отбора, что снижает достоверность текста. Когда информатор употребляет такие клише, как «предатели»,⁸⁴ а вопросы о том, выполнять ли повинности, сразу называет «контрреволюционными»,⁸⁵ то это показывает, что он подходит к оценке явлений с уже устоявшимися мерками. Он не сомневается и не расследует, он уже выносит приговор, который делает излишним и поиск мотивации, и выявление подробностей.

Особую проблему представляют стилистические неточности в тексте, мешающие четкой атрибуции документов. Иногда стилистические отклонения не очень существенны и описание остается довольно прозрачным. «Население Кимас-Озерского общества признало владычество Англии» — риторичность термина «владычество» в письме отдела управления Повенецкого уездного Совета Комиссариату ВД СКСО (16 декабря 1918 г.)⁸⁶ все-таки не искажает достоверности сведений об участиях английских отрядов в военных действиях в Карелии. В письме отдела управления Тихвинского исполкома в комиссариат ВД СКСО (3 декабря 1918 г.),⁸⁷ сообщавшем о выступлениях крестьян Тихвинского уезда, отмечалось, что «дело было ликвидировано». Здесь информатор контаминировал определения двух наиболее частых занятий местных властей — «ликвидации» и «реквизии», но смысл

⁸⁴ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 129. Л. 68.

⁸⁵ Там же. Л. 22–22 об.

⁸⁶ Там же. Ф. 143. Оп. 8. Д. 38. Л. 1.

⁸⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 8. Д. 61. Л. 19.

донесения в целом ясен и не вызывает дополнительных интерпретаций. «Грозность текущего момента» — этот стилистический огрех в письме вологодского чиновника⁸⁸ легко поддается расшифровке и тоже не требует особых источниковедческих усилий. Точное значение использованного там же не очень правильного словосочетания «наблюдается в массах частичное расслоение против советов»⁸⁹ можно реконструировать, если счесть слово «расслоение» реликтом клише «расслоение деревни», обычного для агитационной практики того времени. Расслоить — значит вызвать борьбу, столкнуть бедных и богатых, поэтому не исключено, что слово «расслоить» имеет тут негативный оттенок и означает именно выступление против советских учреждений. Сложнее обстоит дело в тех случаях, когда неправильный стиль оставляет место для разных толкований и потому делает сведения информатора менее точными. В содержащейся в письме секретаря Митрошкинского волостного совета Лодейнопольскому горкому РКП(б) (октябрь 1918 г.)⁹⁰ фразе: «настроения крестьян в отрицательном смысле» общая направленность сообщения ясна, но что конкретно имеется в виду, установить сложно. Тако-го же осторожного подхода требует и фраза: “частичное контрреволюционное выступление” из телеграммы Лужского уездного военного комиссара Иванова (8 июля 1918 г.)⁹¹ Здесь стилистическая небрежность не позволяет четко определить, что выражает слово “частичное” — то ли это свидетельство о масштабах выступления, то ли оценка степени его политизации. В целом же двусмысленность и стилистические отклонения в переписке можно объяснить, если при этом учитывать: 1) особенности разговорной речи того времени; 2) содержание и смысл наиболее употребительных в низовой среде идеологических клише — (их наличие в тексте зачастую и деформировало его лексику), и 3) общий контекст сообщения. Не очень ясный риторический штамп вдруг приобретает сугубую конкретность, когда его либо просто иллюстрируют примером, либо сопровождают «параллельным» описанием, с ним не связанным, но помогающим вывить логику и специфику речи информатора.

⁸⁸ Телеграмма заведующего агитационно-вербовочным отделом Вологодского уездного военного комиссариата заведующему агитпропотделом при Петроградском совете 10 июля 1918 г.: ЦГАИПД. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248. Л. 24.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ ЦГАИПД. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 143. Оп. 1. Д. 67. Л. 128.